

Николай Вагнер

**Предварительный отчет
о поездке на Белое
море летом...**

Николай Петрович Вагнер

Предварительный отчет

о поездке на Белое море летом 1876 г.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18963502

Аннотация

«В одном из общих собраний я буду иметь честь представить подробный отчет о моей поездке на Белое море, теперь же сообщу вкратце только главнейшие результаты моих исследований на этом море, произведенных нынешним летом. – Мои труды пожелали разделить двое студентов один – университета г. Мережковский, другой – М. Х. Академии, г. Андреев. Кроме того в этой небольшой экспедиции, снаряженной на весьма недостаточные средства, принял участие известный наш ботаник, проф. Технологического института А. В. Григорьев...»

Николай Вагнер

Предварительный отчет о поездке на Белое море летом 1876 г.

В одном из общих собраний я буду иметь честь представить подробный отчет о моей поездке на Белое море, теперь же сообщу вкратце только главнейшие результаты моих исследований на этом море, произведенных нынешним летом. – Мои труды пожелали разделить двое студентов один – университета г. Мережковский, другой – М. Х. Академии, г. Андреев. Кроме того в этой небольшой экспедиции, снаряженной на весьма недостаточные средства, принял участие известный наш ботаник, проф. Технологического института А. В. Григорьев. Я должен выразить мою глубокую благодарность нашему университету, уделившему на эту поездку 800 р. из своих специальных средств. Точно также с живейшей признательностью было принято нами милостивое содействие Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича, который предоставил в распоряжение экспедиции на некоторое время паровую шхуну «Самоед», находящуюся в ведении Архангельского порта. Благодаря этой помощи, трое из нас, а именно проф. Гри-

горьев и гг. Мережковский и Андреев имели возможность обследовать всё берега Белого моря и даже отчасти Мурманский берег. Кратковременность этой экскурсии позволила, разумеется, только в общих чертах познакомиться с фауной Белого моря. – Я не принимал участия в этом обзоре и взял на себя частную, но более обещающую задачу – обследовать один угол этого моря, – одну довольно обширную бухту, богатую маленькими островками – бухту Соловецкого монастыря. При этом исследовании тех маленьких областей этой фауны, которые определяются положением, грунтом и другими внешними условиями, я сравнивал эти области, их взаимные отношения друг к другу и к тем общим условиям, которые определяют тип фауны Соловецкой бухты. Результаты этих исследований и послужат материалом для будущего моего сообщения обществу в одном из общих собраний. Теперь же я позволю остановить ваше внимание на том общем выводе, который, как бы невольно, сам собою явился при этих исследованиях. Еще прежде, при изучении различных явлений трансформизма, мне представлялись причины этих явлений не столько в виде тех внешних, биологических условий, на которые указывают вслед за Дарвином и Уоллесом, почти всё трансформисты, но в виде явлений внутренних, физиологических, вызванных инициативой и силою организма. Рассматривая эти факторы глубже, мы неизбежно придем к одному, основному, действующему принципу, – от которого зависят, главным образом, всё из-

менения. Прежде, чем укажу на него, позволю себе обратить ваше внимание на то средство, на тот путь действия, которым вырабатываются всё изменения. Это средство, один из самых общих морфолого-физиологических законов, который можно формулировать таким образом:

Функциональная сила и развитие каждого органа может увеличиваться только в силу прогрессивно возрастающей его деятельности.

В силу этого закона упражнение всегда и везде вступает в свои всемогущие права. В силу его каждый орган настолько крепок, настолько идет вперед, насколько он работает. Замедляется ход его деятельности, ослабевает его сила и он вступает на путь регресса, консерватизма и атрофии. Отсюда уже выводится такое неизбежное прямое следствие:

Деятельный орган или организм прогрессирует, идет вперед, недеятельный регрессирует или консервирует, сохраняет свое *status quo*.

Но в чем же лежат стимулы этой деятельности? Кроются ли они во внешней среде, в обстановке, окружающей животное, или инициатива этой деятельности заключена в нем самом, в его наклонностях, в его индивидуальных свойствах? Нет сомнения, что внешние причины способствуют этой деятельности, но сущность её всецело лежит в самом организме. К этому заключению приводит нас масса данных, примеров, исчислять которые считаю здесь неуместным.

Вот то общее заключение, которое мне впервые предста-

вилось на берегах Соловецкой бухты, при исследовании Беломорских животных. Понятно, что связь между этими исследованиями и поставленным выводом чисто внешняя, почти случайная. Но в этой случайности лежала отчасти и причинность. Едва ли другая какая либо фауна могла доставить мне такие резкие случаи, которые дали бы осязательные несомненные данные для вывода, – но если бы это и могло случиться, то наверное ни одна местность не способна окружить исследователя таким тихим, приятным покоем, таким отчуждением от интересов дня, интересов насущной жизни, как бухта Соловецкого монастыря, которому я поистине обязан полными удобствами для моих исследований. Эта невозмутимая тишина, среди пустынных, безлюдных мест, эта полная свобода, данная исследователю располагать вполне своим временем и делом должны по моему привлечь каждого, желающего без помехи работать над жизнью морских животных. Но в то же время это отчуждение от цивилизованной жизни крайне затруднительно для исследователя, лишенного книг, инструментов, приборов, посуды и пр. – Чтобы воспользоваться удобствами местности, и уничтожить эти неудобства мне пришла мысль учредить на берегу Соловецкого острова зоологическую станцию.

Это намерение подкрепилось и другими доводами, более существенными. Не говоря о том, что фауна Белого моря почти совершенно не исследована, различные данные из этой фауны её различные случаи в связи с окружающими их

условиями, дадут, без всякого сомнения, богатый материал для познания условий жизни в Северных морях, тех условий, исследование которых начато в недавнее время за границей на таких широких основаниях.

Но для этой последней цели, конечно, учреждение одной станции, в одном углу целого моря, слишком недостаточно. Чтобы помочь по возможности этому делу я вошел в сношения с морским министерством, и получил помещение еще для двух станций в зданиях маяков, на мысах Орловском и св. Носа.

В устройстве первой станции на Соловецком острове, я встретил просвещенное содействие архимандрита Соловецкого монастыря, О. Феодосия, отведшего для этой цели помещение из 3 комнат уединенного домика в 15-ти верстах от Соловецкого монастыря, в Ребалде, на берегу Анзерского пролива. Для этой же цели я встретил содействие в обер-прокуроре Св. Синода, г. министре народного просвещения графе Д. А. Толстом. Точно также для учреждения зоологических станций на маяках, я встретил благосклонное содействие Его Императорского Высочества генерал-адмирала русского флота.

Что касается до денежных средств на учреждение и содержание этих станций, то, к сожалению, они до сих пор не определены по случаю затруднений, встречающихся в настоящее время, вообще во всех сверхсметных денежных выдочах.

Вот вкратце результаты, которые дала моя поездка на Белое море.